

Наталья Александрова

Листы каменной
книги

Наталья Николаевна Александрова

Листы каменной книги

Серия «Детектив-любитель

Надежда Лебедева»

Серия «Роковой артефакт»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67223995

Листы каменной книги : [роман] / Наталья Александрова: АСТ;

Москва; 2022

ISBN 978-5-17-144855-4

Аннотация

В конце девятнадцатого – начале двадцатого столетия в Санкт-Петербурге жил и творил замечательный скульптор Цезарь Бианки. После Октябрьской революции, вложив все свои средства в бриллианты и изумруды, он решил покинуть Россию, однако заболел «испанкой» и умер.

Имущество скульптора было конфисковано, но драгоценные камни найти не удалось, а доверенный слуга Бианки как в бреду повторял лишь одно: их тайну знает только читающая девушка...

В наши дни питерская домохозяйка Надежда Лебедева, решив прикоснуться к прекрасному, отправилась на выставку работ

скульптора Бианки и оказалась в самом эпицентре странных криминальных событий...

Наталья Александрова

Листы каменной книги

© Н. Александрова, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Надежда Николаевна возвращалась домой не в самом лучшем настроении. И это было странно, потому что все ее знакомые и друзья прекрасно знали, что характер у Надежды хороший, общительный и спокойный. Она не впадала в меланхолию ни с того ни с сего, а даже если на то и была причина, расстроить Надежду так, чтобы охватила тоска, все равно было трудно.

К тому же на такой случай у Надежды Николаевны существовала собственная методика, как избежать плохого настроения, а если оно все же накатило, то как быстрее из него выйти. Для этого нужно было все неприятные события разложить по полочкам, вычленить из них действительно пло-

хия, а остальные отбросить как ерунду, не стоящую внимания. После такой нехитрой манипуляции зачастую оказывалось, что на самом-то деле ничего особенно плохого не произошло, обычные мелкие житейские неприятности. Но у кого их нет? А если расстраиваться из-за каждого сломанного ногтя или переживать, что тебе в поликлинике нахамили, то никаких нервов не хватит.

Итак, Надежда Николаевна решила разобраться в собственном плохом настроении. Тем более что случай был как раз подходящий: она не торопясь, в одиночку шла от метро домой, наслаждаясь погодой. А погода стояла хорошая – в октябре неожиданно наступило бабье лето, которого уже и ждать перестали, и вместе с золотой осенью оно радовало и глаз и душу. Было, конечно, прохладно, зато вон какая луна висит, словно огромный лимон.

Надежда вдохнула поглубже свежий по вечернему времени воздух и занялась подсчетом.

Итак, муж, как обычно, улетел в командировку. Само по себе это событие давно уже Надежду не удивляло: Сан Саныч много работал и часто бывал в командировках. Правда, на этот раз все произошло неожиданно – что-то там, на объекте, вышло из строя, и, судя по расстроенному голосу мужа, улетел он надолго. Надежда с ним даже не попрощалась: привезла ему чемодан прямо в офис, а секретарь, извиняясь, сказала, что Сан Саныч никак не может выйти, у него важное совещание.

«Ну ладно, – вздохнула Надежда, – дело прежде всего». Хотя все же было как-то неприятно.

И ладно бы только это. Буквально на следующий день они должны были идти на прием по случаю какого-то очередного звания, присужденного ближайшему другу Сан Саныча, и Надежде Николаевне пришлось тащиться туда одной. Она бы, конечно, не пошла, но Павел и слышать ничего не желал. Рассердился и орал в трубку, что с этим... в сердцах он назвал своего лучшего друга непечатным словом, так вот с этим Сашкой он разберется потом, а она, Надежда, чтобы была как штык. И никаких «неудобно» там и вообще... Они друзья или нет?

«Друзья», – была вынуждена согласиться Надежда, потому что, кроме мужа, их с Павлом связывало одно общее дело. Однажды Надежда Николаевна здорово его выручила, так что Павел добро помнил и очень ее с тех пор уважал.

На следующий день она сбегала в салон красоты, надела новое платье и отправилась на банкет в дорогой ресторан. Павел встретил ее как родную, с его женой она была хорошо знакома, поскольку они дружили домами, встретилась и еще пара-тройка знакомых лиц.

– Вот, Надя, разреши тебе представить, – церемонно сказал Павел, подведя к ней неказистого с виду мужчину, – это мой родственник Антон Сергеевич Вор...

– Можно просто Антон, – перебил его мужчина, и это Надежде сразу не понравилось.

Что еще за неуместная фамильярность? Если он – Антон, то она, значит, Надежда? И разговаривать они должны на ты? Мало ли что он родственник Павлу, с которым она, выражаясь банально, не один пуд соли съела (соленое вредно, кстати), она этого родственника в первый раз в жизни видела и скорее всего в последний. Все же воспитание взяло верх, и Надежда улыбнулась как можно приветливее и даже пожала протянутую руку. Рука Антона была неожиданно твердой.

Хитрый змей Пашка посадил их рядом – место Сан Саныча было свободно, и пришлось поддерживать разговор. Не сидеть же надутый и не отворачиваться же в другую сторону? Тем более что соседкой слева оказалась совершенно незнакомая дама, от которой невыносимо несло духами. Дама бросила на Надежду всего один взгляд и тут же потеряла к ней всяческий интерес, что немедленно отразилось у нее на лице.

Как потом оказалось, дама была не то мелким начальником из фирмы Павла, не то вообще чиновницей из районной администрации. Что уж ее сюда занесло?.. Наверное, по должности полагалось.

Волей-неволей пришлось повернуться к Антону и придумывать темы для разговоров. Тут тоже были свои трудности.

Дело в том, что Надежда давно была замужем и не привыкла ходить одна по ресторанам, где люди веселятся, пьют и танцуют. Точнее, в ресторан можно прийти и одной, но на встречу, к примеру, институтских друзей или одноклассни-

ков. Там все свои, и как раз мужей-жен не должно быть. Посторонние на таких встречах только мешают, тем более когда начинаются романтические воспоминания.

А с незнакомым мужчиной если не о делах, то о чем говорить? Спросишь, чем занимается, он может обидеться, скажет, еще бы про зарплату спросила. Спросишь, есть ли семья – жена, дети, так он посчитает ее одинокой охотницей за мужчинами, и поди потом доказывай, что это не так. Спросишь, из какого города приехал, так опять-таки может обидеться, что его приняли за провинциала.

– Ну что, – спросил Антон, наливая ей вина, – хотите спросить, откуда я свалился на Пашкину голову?

– Ну... в принципе это меня не очень интересует, – улыбнулась Надежда. – Но то, что вы живете не в нашем городе, я знаю, иначе мы давно бы с вами как-нибудь пересеклись. Павел – лучший друг моего мужа, мы часто видимся.

Надежда мысленно себя похвалила – вроде бы случайно Сан Саныча упомянула, а вышло кстати. А то знаем мы этих мужиков среднего возраста – вырвался в большой город и чувствует себя свободным. Тем более рядом сидит симпатичная женщина. Нет, надо сразу дать ему понять, что никакого продолжения знакомства у них не будет.

Она сделала глоток вина и посмотрела на своего соседа по столу. Тот хмыкнул едва слышно и блеснул глазами. Вот к чему бы это?

В эту минуту тамада объявил, что несколько слов хочет

сказать представитель администрации. Соседка слева тут же подскочила и невежливо толкнула Надежду локтем, так что та едва не уронила бокал. Хорошо, что этот самый «просто Антон» руку ее удержал.

«Черт меня дернул сюда прийти!» – подумала Надежда, едва сохраняя приятное выражение лица.

Начальственная дама проговорила несколько поздравительных слов звучным контральто, после чего поперлась вокруг стола, чтобы поздравить виновника торжества лично.

– Хотите, поменяемся местами? – тихонько спросил сосед, и Надежда посмотрела на него с искренней благодарностью.

Административная дама смачно расцеловалась с Павлом и даже соизволила сказать несколько слов его жене. Надежда почувствовала легкое злорадство, увидев, как на Пашкиной щеке пламенеет след помады. Вот пускай так и ходит.

Праздник продолжался. Кухня в этом ресторане была отличная – тут уже спасибо Пашкиной жене Ольге, она всегда ответственно подходила к выбору заведения.

Перед горячим, как обычно, гости покинули свои места за столом. Кто-то пошел танцевать, кто-то – курить, кто-то просто прогуливался и беседовал в холле.

Надежда решила освежиться. У туалета ее перехватил Павел и со словами «Надь, на два слова!» утащил в уголок, где стояла большая каменная ваза, расписанная под греческую амфору.

«Вот с какого перепуга тут используют греческие мотивы, – подумала Надежда, – если ресторан позиционируют как французский?!» Ну это так, мимоходом.

– Ну что еще? – не слишком приветливо спросила она, потому что примерно уже представляла, о чем пойдет речь. И это ей заранее не нравилось.

– Надя, будь человеком! – Павел прижал руки к сердцу. – Возьми на себя Тошку!

– Это как? – оторопела Надежда от такой наглости.

– Слушай! – Павел схватил ее за плечи и зашептал в ухо: – Он свалился как снег на голову, а у меня сейчас полный затык, просто зашиваюсь с работой! И банкет этот не ко времени совсем, но раз уж заранее заказывали и людей пригласили, то что делать... А Антона развлекать надо, все-таки родственник, хоть и седьмая вода на киселе. Неудобно, сто лет не виделись. Ольга тоже не может – с внуком по врачам бегают, его на обследование кладут на следующей неделе...

– Что-то серьезное? – встревожилась Надежда Николаевна.

– Да не точно еще... В общем, Надя, я тебя очень прошу, сходи ты с ним в театр!

– Какой еще театр?! Он меня никуда не приглашал.

– А он стесняется. Боится, что ты его куда подальше пошлешь.

– Непременно так и сделаю, – зловеще заговорила Надежда. – Павлик, ты, часом, не забыл, что я замужем? За твоим,

между прочим, лучшим другом.

– Да помню я! И Сашке ни за что не прощу, что он в командировку так не вовремя умотал! Но послушай, от тебя убудет, что ли? Человек в нашем городе никого не знает, еще заблудится...

– Такси довезет, – отмахнулась Надежда Николаевна.

– Надя, ну я тебя очень прошу! – сказал Павел с отчаянием. – Мне неудобно перед ним, хорошо хоть, этот банкет подвернулся. Наши матери двоюродными сестрами были, но дружили как родные. Теперь уж обеих на этом свете нет. Но я тетю Валю помню.

– И что? Прикажешь мне теперь целую неделю твоего родственника развлекать? Сначала театр, потом обед в ресторане, потом ужин, а после что? – разозлилась Надежда. – Ты, Пашка, сводником, что ли, заделался? Вот уж не ожидала от тебя!

– Да о чем ты говоришь? – Павел замахал руками, как будто отгонял рой диких пчел. – Ну что ты такое подумала? Мы же приличные люди, к тому же возраст...

– Ага, про возраст вспомнил... – прищурилась Надежда, и Павел отвел глаза.

Мужики, конечно, всегда друг друга покрывают. Сан Саныч был человеком сдержанным, проще говоря, неболтливый, и все же кое-что о похождениях его дружка она знала. Точнее, догадывалась. Профессора Павла Петровича окружали симпатичные студентки и аспирантки, и как тут удерж-

жаться?.. Помнится, раньше и скандалы у них с женой по этому поводу бывали, и приходил он за сочувствием к лучшему другу, так что Надежда кое-что слышала. Но молчала – не ее дело.

– Надя, я даю тебе честное слово, что Антон – человек приличный! – Павел снова прижал руки к сердцу. – И не станет он за тобой приударять! Так пойдешь в театр?

– Ну ладно, – нехотя согласилась Надежда. – Но если встречу там знакомых, будешь с моим мужем сам разбираться. Я ему объяснять ничего не стану, к тебе отправлю.

Вот так и получилось, что на следующий день Надежда Николаевна отправилась в театр на Фонтанке, но, когда возле входа встретилась с братом Павла, выяснилось, что сейчас здесь проходят гастроли театра из его родного города. У Антона там работал приятель, поэтому ему непременно надо было посетить спектакль. Надежда удивилась про себя, зачем тогда ее позвали, но промолчала.

Театр назывался «У оврага». Как объяснил Антон, это потому, что новое здание театра было построено там, где когда-то пролегал большой овраг, его и сейчас не до конца засыпали, и на том месте вечно проваливается асфальт.

Спектакль был современный, из тех, которые сегодня называют полиформными – с клоунадой, акробатикой, стихами, огромным экраном за сценой, где время от времени возникали надписи и картинки. Надежде он понравился тем, что продолжался всего полтора часа без антракта. Ну и ре-

бят-актеры – молодые и спортивные, приятно было на них смотреть.

Еще до начала спектакля к ним подбежала бойкая девица и затараторила:

– Антон Сергеич! Как мы рады, что вы смогли прийти! Мы даже не надеялись...

Тут она стрельнула глазами на Надежду, видимо, не нашла ничего интересного и снова принялась изо всех сил изображать бурную радость.

– Савелий сейчас, конечно, занят, но после спектакля он непременно... и мы все...

– Я понял, – перебил ее Антон, – после спектакля.

Когда представление закончилось, Надежда была начеку. Как только ее спутник отвлекся на беседу с режиссером, она незаметно пробралась к выходу.

– Куда же вы, Надя? – Окрик Антона настиг ее у гардероба.

– Спасибо за спектакль, но я уж пойду, – твердо сказала она, – вы тут скучать не будете.

– Да не в этом дело... – пробормотал брат Павла. – Ну что ж, не смею навязываться.

И вот теперь Надежда Николаевна Лебедева возвращалась домой далеко не в лучшем настроении. Ей было неудобно. Вспоминая последний взгляд, который бросил на нее этот самый Антон, она понимала, что он обиделся. Интересно

бы знать за что? Да ясно – за то, что она ушла. Он-то хотел спектакль обсудить, с режиссером ее познакомить... Надежда знала, что обычно актеры после спектакля устраивают междусобойчик, который переходит в обычную пьянку. Нет уж, такое времяпрепровождение не для нее, она женщина приличная, замужняя, ей на таких мероприятиях делать нечего. Вот подсунул ей Павел проблему...

Надежда свернула в проход между домами, еще немного – и ее дом появится, как вдруг в кустах сирени что-то шевельнулось. Кусты были пышные и зеленые, почти как летом, и в них, под нижними ветками, возился и шуршал кто-то маленький. Кошка?

Надежда хотела пройти мимо, но услышала жалобное поскуливание и остановилась. Так. Ясно, что не кошка. Она подошла к кустам поближе и посветила телефоном. Совсем рядом валялся пакет из супермаркета, в котором кто-то шевелился и скулил. Надежда осторожно дернула пакет и увидела собаку. Маленькую, не больше кота. Кажется, это был карликовый пудель.

– Вот так так... – протянула она. – И что же ты тут делаешь? Ты чья вообще?

Из пакета пахло несвежей едой, и на морде собачки были подозрительные разводы.

– Ай-ай-ай, зачем ты это ешь? – Надежда укоризненно покачала головой. – Живот заболит.

Собачка вышла на дорожку и посмотрела на Надежду

очень выразительно – мол, голод не тетка, пирожка с мясом не поднесет... приходится есть все, что подвернется.

Надежда Николаевна разглядела, что собачка, конечно, домашняя, вернее, была домашней до недавнего времени. Убежала? Да нет, такие маленькие никуда от хозяев не убегают. Потерялась? Скорее всего.

Собачка между тем подошла ближе и прижалась к ее ногам. Надежда беспомощно оглянулась по сторонам. Хоть время было и не совсем позднее, едва за десять часов, но, как назло, рядом никого не оказалось. Надежда направилась вперед, собачка, тихонько поскуливая, двинулась за ней.

– Слушай, я не могу тебя взять, – вздохнула Надежда Николаевна. – Понимаешь, у меня кот, он собак очень не одобряет, он меня с тобой и в квартиру не впустит.

Собачка смотрела с явным недоверием. Надежда и сама не слишком себе верила, потому что именно сейчас ее ненаглядного кота Бейсика, главного члена семьи, дома не было.

Как уже говорилось, стояла замечательная для осени погода, и кот оставался у мамы на даче, они прекрасно ладили между собой. Договорились, что по приезде мужа из командировки заберут все сразу: кота, бабушку и урожай. А Бейсик тем временем наслаждался свободой и экологически чистыми сельскими мышами. Птиц он уже не ловил по причине возраста, но не будем о грустном...

Пудель тяжело вздохнул, сел на дорожке и опустил голову, покоровшись судьбе. Это решило дело.

– Ладно, – сказала Надежда Николаевна, заботливо подхватывая собачку на руки, – пойдём ко мне. Хоть поешь и отдохнешь в тепле, а там решим, что с тобой делать.

Ну не могла она бросить избалованную домашнюю собаку одну холодной осенней ночью! В конце концов, это не овчарка и не дог, места в квартире хватит.

Возле подъезда они никого не встретили. В лифте при свете выяснилось, что собака действительно карликовый персиковый пудель, к тому же мальчик. Ну что ж, мальчик так мальчик.

В квартире пудель не стал самовольничать, а дисциплинированно сел на коврик в прихожей, терпеливо ожидая, пока Надежда снимет пальто и обуёт тапочки.

В ванной они основательно вымыли лапы, а заодно и животик. Песик был не очень грязный, видно, потерялся недавно.

После мытья он безошибочно определил, где в квартире кухня, и бодро туда потрусил.

– Знаю, что ты будешь есть! – обнадежила его Надежда и вывалила в миску банку кошачьих консервов.

Всем известно, что кошачья еда гораздо вкуснее собачьей, так что собака от нее никогда не откажется. Так и оказалось. Пудель съел все и попросил добавки.

Надежда выдала ему еще кусочек ветчины, а сама выпила чаю. После чего взяла песика на руки и внимательно осмотрела ошейник. Ну да, вот он, медальон, в шерсти запутался.

– Цезарь, – прочла Надежда надпись на медальоне. – Ну надо же, какое у тебя внушительное имя. Вот не знала, что маленьких собак так называют. Это имя больше подходит для датского дога или мастифа. На худой конец, для боксера. Ну, не обижайся, это я так...

Кроме имени, на медальоне мелким почерком были написаны цифры. Поднеся песика к свету, Надежда поняла, что это номер телефона.

– Ну вот! – обрадовалась она. – Сейчас позвоним твоим хозяевам и сообщим, что ты нашелся. А то они, наверное, волнуются. Нужно их успокоить...

Однако в глазах песика особой радости она не увидела, возможно, он просто не понял ее слов. Надежда набрала номер и долго слушала длинные гудки, после чего ей ответил тихий женский голос.

– Я звоню по поводу собаки! – сообщила Надежда и не услышала в ответ ни слова.

Обычно в такой ситуации люди начинают ахать и охать от радости, что собачка нашлась, затем следуют слова благодарности, после чего некоторые осведомляются, какую награду хотят за собаку. В данном случае ничего этого не было.

– Алло, вы меня слышите? – спросила Надежда. – Я нашла вашу собаку. У вас ведь есть собака? Кличка – Цезарь.

– Ну да... – прошелестела женщина.

Может, она больна? Или уже спала? Хотя, если бы у Надежды пропал домашний питомец, она бы до утра глаз не

сомкнула.

– Когда вы сможете ее забрать? – Надежде все это уже надоело. На часах без малого одиннадцать, вечер проболталась в театре этом, да теперь еще собака приبلудилась.

– Но я... – начала женщина, и тут вдруг не то всхлипнула, не то издала стон. И все стихло.

– Да что же это такое? – вскипела Надежда и хотела уже отключиться, но тут снова послышался голос той женщины. Теперь он был какой-то обреченный.

– Я, конечно, заберу собаку. Спасибо вам за то, что ее нашли и позвонили.

– Ну и ладно! – повеселела Надежда. – Если вам сегодня неудобно, то Цезарь может у меня переночевать.

– Нет-нет! – Женщина снова вскрикнула. – Обязательно сегодня! Скажите свой адрес, я приеду.

Надежда задумалась. С одной стороны, ей совершенно не улыбалось пускать в квартиру абсолютно незнакомого человека. Она сейчас одна (черт бы побрал эту командировку!), даже кота нет. С другой – время было позднее и тащиться куда-то с собакой наперевес тоже не хотелось.

– Хорошо, – нехотя проговорила она, – только приезжайте поскорее. – И продиктовала свой адрес.

Причем перед глазами встало сердитое лицо мужа, который такое ее поведение очень не одобрял. Надежда Николаевна и сама понимала, что поступает неосторожно.

«А вот не надо было в командировку так надолго уез-

жать!» – сердито подумала она и почесала пуделя за ушами.
– Ну вот, скоро за тобой приедет хозяйка.

Песик, однако, не выразил никакой радости. Может быть, дома к нему плохо относились? Ерунда. Песик выглядел сытым и здоровым, дорогой ошейник, недавно подстрижен. О нем явно хорошо заботились.

Прошло минут сорок. Надежда вымыла чашку, разобрала постель и смыла косметику.

– Ну, сейчас передам тебя с рук на руки и лягу, – зевнула она.

Спать хотелось ужасно.

Песик, однако, выглядел каким-то нервным. Он бегал по квартире подвывая, так что Надежда даже предложила ему воспользоваться кошачьим туалетом. Песик посмотрел грустно и дал понять, что дело вовсе не в этом. И столько тревоги было в его взгляде, что у Надежды в душе шевельнулось неприятное предчувствие.

– Глупости, – сказала она, – все будет хорошо. Воссоединишься со своей хозяйкой, скоро будешь дома.

Показалось ей или нет, что пудель покачал головой?..

В это время из коридора донесся оглушительный вой.

Тут нужно сделать небольшое пояснение.

В доме у Надежды Николаевны было два рубежа обороны от внешнего мира – дверь подъезда с домофоном и еще одна дверь, с лестничной площадки в тамбур, где находились четыре квартиры. Так вот, когда кто-то звонил с лестницы,

раздавался обычный, довольно мелодичный звонок, но если звонили снизу в домофон – в коридоре раздавался звук, представлявший собой что-то среднее между пароходной сиреной и сигналом воздушной тревоги. Домофон был новый, его заменили недавно, а сигнал еще не отрегулировали.

Надежда и сама-то вздрогнула, а несчастный пуделек взвизгнул, забился под диван и там тоненько заскулил.

– Ну что ты, милый! – проговорила она. – Не пугайся. Это, наверное, приехала твоя хозяйка! Ты ведь Цезарь! Собака с таким именем должна быть смелой!

Пудель затих, но смотрел из-под дивана недоверчиво.

Надежда вышла в прихожую, нажала кнопку на динамике домофона и на всякий случай спросила:

– Кто там?

– Мы за собакой приехали! – раздался ожидаемый, хотя и не очень вежливый ответ.

– Заходите! – Надежда нажала еще одну кнопку, и раздался щелчок открывающегося замка.

Пудель успокоился и вышел в прихожую, с любопытством поглядывая на дверь.

Надежда взяла его на руки, ласково почесывая за ушами:

– Хороший мальчик! Я буду тебя вспоминать!

Прошла минут, другая, и наконец позвонили в дверной звонок.

Надежда с пуделем на руках вышла в тамбур и открыла дверь.

На пороге стояла рослая брюнетка лет сорока, в короткой не по возрасту кожаной юбке и лакированных сапогах-ботфортах значительно выше колен. Из-за ее плеча выглядывал мрачный, наголо бритый мужичок, гораздо ниже ее ростом.

Брюнетка изобразила ненатуральную улыбку, продемонстрировав двойной ряд крупных лошадиных зубов, и проговорила хриплым прокуренным голосом:

– Здрасте! Мы, значит, за собачкой своей пришли... вот она, наша собачка!

Она потянулась к пуделю, но тот неожиданно зарычал и цапнул брюнетку за палец.

– Ах ты, зараза! – вскрикнула та, тряся рукой. – Ты что же это вытворяешь... ну, блин, я тебя...

Пудель не стал дожидаться окончания фразы, а соскочил с рук Надежды и опрометью бросился в квартиру.

– Куда! Держи его! – подал голос бритый тип и попытался обойти свою рослую спутницу.

Та, однако, придержала его за плечо и шикнула:

– Тсс! Обожди... сейчас мы все здесь культурно разрулим, без лишнего шума...

Затем она снова натянула на лицо фальшивую улыбку и обратилась к Надежде:

– Вот такой он непослушный! Все время от меня убегает! Вот так и потерялся... убежал в кусты и пропал. За кошкой, что ли, погнался или еще за кем. Хорошо, что вы его нашли. Можно, мы к вам зайдем, чтобы его поймать?

Надежда замешкалась с ответом. Поздние визитеры с каждой секундой нравились ей все меньше и меньше. Начать с того, что голос долговязой брюнетки был совсем не похож на голос женщины, с которой Надежда разговаривала по телефону. Грубый и хриплый, к тому же с характерным южным произношением, да и манеры соответствующие. Кроме того, пудель ей явно не обрадовался. Зарычал сердито, да еще укусил... Разве так собака должна встречать свою хозяйку?

А самое главное – отчетливо подала голос врожденная интуиция Надежды, которая всегда позволяла ей отличить ложь от правды, плохих людей от хороших.

И тогда Надежда Николаевна решила устроить поздним визитерам небольшую проверку.

– Знаете, ваш Мишель такой нервный, такой возбудимый! Если мы все станем его ловить, он куда-нибудь спрячется, и ни за что его не найдешь... Это он от неожиданности так себя повел, а если вы его просто позовете, может, он и выйдет...

– Вряд ли, – с сомнением протянула брюнетка.

– А вы все же попробуйте!

– Мишель... Мишель... – неуверенно позвала женщина, заглядывая через Надеждино плечо.

«Все ясно! – уверилась Надежда Николаевна. – Никакая это не хозяйка! Даже не знает, как зовут собаку! Вот черт, влипла я. Сама этим жуликам позвонила!»

Медленно отступая, она проговорила:

– Извините, сегодня у нас ничего не выйдет. Надо дать собаке успокоиться, прийти в себя... Давайте мы завтра созвонимся.

– Завтра? – Фальшивая улыбка сползла с лица брюнетки. – Нет, завтра мы никак не можем! Завтра мы очень заняты! Да и зачем вам лишний день с этой непослушной собакой возиться...

С этими словами брюнетка двинулась в сторону квартиры, пытаясь оттеснить Надежду от двери.

– Ничего, как-нибудь потерплю. – Надежда встала у нее на пути, не пропуская в тамбур.

– Да что ты там разговариваешь? – процедил бритоголовый тип и шагнул вперед. – Что ты время тянешь? Надо решать этот вопрос, однозначно...

– Решим, решим, непременно решим! – Брюнетка облизнула узкие губы и потянулась к Надежде.

Надежда Николаевна испугалась всерьез. Эта парочка была опасна, очень опасна... Но тут она кое-что вспомнила, точнее, кое-кого.

В соседней квартире обитал огромный ротвейлер по кличке Меридиан, для близких друзей (к которым Надежда тоже относилась) – Дима. Там вообще жила большая дружная семья, и Дима был всеобщим любимцем. В основном он проводил время с бабушкой, пока остальные члены семьи работали и учились. Бабушка была глуховата, и Дима из любезности лаял, если в квартиру звонили или стучали, причем

только в его квартиру. Если кто-то из соседей проходил мимо, Дима молчал. Чай, не пустобрех какой-нибудь, солидная собака.

Надежда подскочила к соседской двери, заколотила в нее кулаками и закричала что было сил:

– Дима! Дима!

– Какой еще Дима? Никто тебе не поможет! – пренебрежительно проговорил бритоголовый и попытался схватить Надежду за плечо и втащить в квартиру.

Однако тут из-за двери раздался хриплый и страшный лай.

Надо сказать, что Дима был уже в преклонном возрасте, его лучшие годы остались в прошлом. Он не вступал в драку с молодыми собаками и на прогулке вел себя тихо и солидно, ступал медлительно, с достоинством стареющего римского патриция. Но голос у него сохранился очень внушительный, и в случае острой необходимости один этот голос мог обратить в бегство какого-нибудь зарвавшегося добермана или злоумышленника.

Так случилось и на этот раз.

Услышав грозный Димин рык, бритоголовый тип утратил самонадеянность и отступил на прежнюю позицию. Брюнетка тоже растерялась и попятилась, а когда замок Диминой квартиры щелкнул и железная дверь начала открываться, ее как ветром вынесло на лестничную площадку.

Надежда торопливо заперла за незваными гостями дверь

тамбура и перевела дыхание.

Из двери соседской квартиры выглянул Димин хозяин, кстати, тоже Дима. Рядом с ним виднелась лобастая голова ротвейлера. Из приоткрытой пасти стекала ниточка слюны.

– Надежда Николаевна, что случилось? – спросил хозяин, оглядев тамбур.

– Ох, извините, выносила мусор и не успела дверь закрыть, и в тамбур залезли какие-то хулиганы. Но как только Димин внушительный голос услышали – тут же сбежали... спасибо, Дима, с меня мозговая косточка! За мной не пропадет!

– Ох, что вы, ему нельзя! У него зубы плохие, возраст! И вообще, ему полаять только приятно!

Надежда вежливо простилась с соседом, более сердечно – с ротвейлером и вернулась в свою квартиру.

Бедный пудель снова прятался под диваном, но на призыв Надежды тут же вышел, прижался к ее ногам, преданно заглядывая в глаза, и жалобно заскулил.

– Не бойся, – проговорила Надежда, почесывая его за ушами. – Я тебя никому не дам в обиду.

Пудель, видимо, понял ее слова. Поднял на Надежду нежный, полный признательности взгляд и глубоко вздохнул, как наплакавшийся ребенок.

– Вот оставить тебя я не могу, кот будет против. Но хозяйку твою мы непременно найдем...

Песик вздохнул еще тяжелее, чем прежде, и затих.

Вспомнив про хозяйку Цезаря, Надежда решила перезвонить ей и прояснить ситуацию. Что вообще происходит? Кто были эти люди и зачем им собака? Однако, когда она набрала номер с ошейника, из трубки очень долго доносились равнодушные гудки.

Надежда уже хотела отключиться, но тут раздался щелчок, и ей наконец ответили.

– Кто это? – прозвучал в трубке мужской усталый, недвольный голос.

– Я могу задать вам тот же вопрос, – проговорила Надежда строго. – Это ведь не ваш телефон!

– Ну да, не мой! – ответил незнакомец, ничуть не смутившись.

– А могу я поговорить с хозяйкой... телефона?

– Нет, не можете.

– Почему это?

– А вы ей кто? Близкая родственница?

– Вообще-то нет. А почему вы спрашиваете?

– Потому что она находится в бессознательном состоянии.

Коротко говоря, под наркозом.

– Что? Как? – испуганно переспросила Надежда Николаевна. – Что с ней случилось?

– Ее машина сбила, и привезли к нам, в Четвертую городскую больницу... кстати, привезли без документов, поэтому мы даже не знаем, кто она такая. Так что вы нам очень поможете, если скажете, как ее зовут. И все прочее.

– Ох! – выдохнула Надежда и покосилась на Цезаря.

Пудель сидел у ее ног, и на его морде было написано искреннее страдание. Видимо, он все понял.

– Так все-таки кто же она такая? – настойчиво повторил голос в трубке.

Этот вопрос поставил Надежду Николаевну в крайне неловкое положение, и она честно ответила:

– Не знаю. Понимаете, я просто нашла на улице собаку...

– Что? – удивленно переспросил собеседник. – Какую еще собаку? Женщина, что вы мне голову морочите!

– Да нет, я бы ни за что так не поступила... вы дослушайте! Собака породистая и ухоженная, явно домашняя, а на ошейнике – этот телефон. Вот я и позвонила. Думала, собака потерялась и хозяйка ее разыскивает. А тут выходит вот такая история...

– Да, история...

– А в каком она состоянии? Травмы какие?

– Ну... нога сломана, пара ребер и сильный ушиб головы. Ногу мы загипсовали, ребра зафиксировали, а с головой пока неясно. Голова – это орган сложный.

– Но она выживет?

– Пока говорить рано, но вообще прогноз неплохой.

«Говорит, что с головой неясно, и тут же обнадеживает, – рассердилась Надежда. – Ну, впрочем, им на месте виднее».

– Ладно, тогда пока подержу собаку у себя, а там посмотрим.

– Значит, вы не можете нам помочь установить ее личность?

– Увы, не могу.

Разговор закончился, и только тогда Надежда поняла, что обманула своего собеседника. На самом деле она могла установить личность хозяйки Цезаря.

Тут необходимы некоторые пояснения.

У Надежды Николаевны Лебедевой было необычное хобби: она обожала расследовать всевозможные криминальные происшествия и просто загадочные события. Началось все с того, что она помогала в сложных ситуациях близким знакомым, потом – не таким уж близким, а после очередь дошла до малознакомых и вовсе не знакомых людей. Расследования она вела на удивление успешно, так что вскоре уже весь город знал о необыкновенных способностях Надежды Николаевны. И она прилагала максимум усилий, чтобы эти слухи не дошли до ее мужа. Сан Саныч к таким занятиям жены относился сугубо отрицательно, считая их недостойными приличной замужней женщины с высшим образованием, а самое главное – опасными, и в один прекрасный день взял с жены слово, что она больше не будет этим заниматься.

Надежда слово дала, но потом подумала, что она – хозяйка своего слова и как дала его, так может и обратно взять... В общем, она продолжила заниматься детективными расследованиями тайком от мужа, но со всех знакомых взяла страшную клятву, что они не проговорятся о ее хобби даже под

пыткой. А если кто-то все же выдаст тайну или просто потреплется по глупости, то она, Надежда, разорвет с этим человеком всяческие отношения, станет считать его своим врагом и будет мстить.

Никто не знал, как она будет мстить, да и сама Надежда Николаевна не знала, так как по природе своей была женщиной невинной. Но пока до этого не дошло.

Денег за свои услуги Надежда не брала, но когда один очень влиятельный человек, которому она помогла в сложной ситуации, спросил, чем может отблагодарить за услугу, Надежда попросила у него замечательную базу данных, по которой можно было найти любого человека, зная номер его телефона. Причем не просто имя и адрес, а еще и разные данные.

И вот теперь Надежда включила компьютер, вставила в него диск с той самой базой и уже через несколько минут знала, что хозяйку Цезаря зовут София Павловна Листьева, тридцати четырех лет от роду, не замужем, проживает одна в собственной квартире... Адрес тоже прилагался.

Выяснив имя несчастной, Надежда решила узнать про нее все, что можно, на просторах Интернета и первым делом нашла аккаунт Софии Листьевой в популярной социальной сети.

Страница Софии выглядела самым обычным образом: много фотографий Цезаря, но и сама София тоже мелькала – то на набережной Фонтанки, то среди фонтанов в Петро-

дворце, то в осеннем Пушкине.

Цезарь, который незаметно присоседился к Надежде и вместе с ней смотрел на экран компьютера, начал тоненько поскуливать, узнав любимую хозяйку.

– Не переживай, – постаралась успокоить его Надежда. – Скоро твоя хозяйка выздоровеет, и вы снова будете вместе...

Она просматривала снимок за снимком. Вот София Листьева гуляет в парке... вот сидит на пеньке возле ручья, а в руках у нее открытая книга... Этот снимок наверняка сделан летом, потому что на Софии легкий яркий сарафан и босоножки... Красивая молодая женщина, волосы забраны наверх и видны длинная шея и покатые плечи, изящный рисунок уха, рука с узкой ладонью...

«Странно, – подумала Надежда Николаевна, – что на всех фотографиях она одна, только с собачкой. Но кто-то же ее фотографировал?...»

Пока она листала фотографии, зазвонил ее телефон. Номер на дисплее оказался незнакомый, и в первый момент Надежда не хотела отвечать, но потом подумала – вдруг это муж звонит с чужого номера, и все же нажала кнопку.

– Саша, ты?

– Нет, это Антон...

– Кто? – Надежда не сразу сообразила, кто это такой.

– Антон, друг Павла...

– Ах, Антон... А откуда, Антон, у вас мой номер телефона?

– А вы догадайтесь. С трех раз. Хотя если верить тому, что о вас рассказывают, вам и одного раза вполне хватит.

Все ясно: это Пашка натрепался своему родственнику про ее расследования. Еще бы ему не знать, если она лично выручила его в свое время! Вот и делай после этого людям добро.

Надо думать, Антон понял по ее выразительному молчанию, что неправильно начал разговор и что сейчас Надежда просто повесит трубку.

– Простите меня за поздний звонок, но у вас все время занято было, я только сейчас смог пробиться. Дело в том, что...

«И чего он ко мне привязался?» – подумала Надежда Николаевна.

– Я только хотел уточнить про завтрашний день... мы же договорились...

И Надежда с ужасом вспомнила, что и правда договорились. Перед началом спектакля они выпили по чашке кофе, немного поболтали, и этот Антон уговорил ее, что она сходит с ним куда-нибудь три раза.

– Ну вот как в сказке – всего три желания! – говорил он. – Обещаю, что ничего такого сложного и неприятного вам не придется делать.

«Что я тебе, золотая рыбка, что ли...» – подумала тогда Надежда, сохраняя на лице вежливую улыбку.

Нет, нужно было еще до спектакля послать его подальше и уйти. А Пашка, змей, у нее еще получит.

Внезапно Надежда осознала, что просто до жути устала и единственное ее желание – это плюхнуться в кровать и заснуть. Как-то слишком много событий произошло сегодня вечером. Но ведь этот тип ни за что не отстанет.

– Ну да, вроде бы договорились, – она зевнула так, чтобы он услышал, – но не сегодня же.

– Да, конечно, завтра к двенадцати идем на выставку. В галерею «Пространство», у меня там...

– Приятель работает?

– Ну да...

– Я так и думала. Тогда до завтра.

Пожелания спокойной ночи она уже не слышала.

Ночь прошла спокойно, потому, наверное, что Надежда с песиком спали как убитые. Цезарь без колебаний занял место на кровати и на робкие возражения Надежды посмотрел удивленно: а где еще спать-то?

Очевидно, хозяйка его приучила. Надежда прислушалась к себе и поняла, что ей все равно.

Цезарь разбудил ее утром, и они наскоро прогулялись по холодку, заодно купили в пекарне теплого хлеба и булочек. Гуляли чинно, на поводке, как и положено гулять с приличной домашней собакой. Поводок любезно отдал сосед со второго этажа, у которого была болонка Масяня. Надежда не стала озвучивать подробности, сказала только, что знакомая попала в больницу, а собачку некуда пристроить, и забирали

ее в спешке, никаких вещей не отдали. Сосед приглашал заходить, если что понадобится.

После прогулки завтракали каждый своим. А потом позвонил муж. Голос у него был довольный, сказал, что все налаживается, еще пара дней – и он прилетит. Надежда повеселела и на радостях налила себе вторую чашку кофе.

За два дня она как раз успеет привести квартиру в порядок, получит из химчистки любимый костюм мужа и купит продуктов. Но тут она вспомнила, что сегодня нужно тащиться на встречу с Антоном, и настроение сразу упало. Может, позвонить ему и отказаться? В конце концов, она ему ничем не обязана...

И только было Надежда Николаевна взялась за телефон, как Антон позвонил сам:

– Доброе утро, Надя! Вы не забыли?

У нее язык не повернулся сказать, что она не придет. Он ведь отказа не примет, только если соврать, что заболела и лежит с высокой температурой. А такие вещи Надежда никогда не сделает – можно и сглазить. Да он все равно и не поверил бы.

Бросив трубку, она с тяжелым вздохом начала собираться. Накрасилась, аккуратно уложила волосы и выглянула в окно. Погода сегодня также радовала, так что она оделась полегче – короткое пальто и легкий шарф.

Перед тем как уйти, она снова набрала номер того телефона, что был выгравирован на ошейнике Цезаря. Трубку снова

долго никто не брал, так что Надежда даже забеспокоилась, что владелица телефона слишком долго не приходит в себя.

Но вот наконец ответили. Голос был женский, но по тембру и громкости Надежда сразу поняла, что это не та женщина, с которой она разговаривала первый раз.

– Соня? – заорала она в трубку заполошным голосом. – Соня, ты где? Что с тобой? Почему ты второй день не отвечаешь?

– Это не Соня, – последовал строгий ответ.

– Да? – Надежда добавила в голос децибел. – А где Соня? И почему вы отвечаете по ее телефону? Что случилось?

– В больнице ваша Соня, – услышала она в ответ. – Машина ее сбила, вот к нам привезли.

Надежда подумала, что будь на ее месте родственница сбитой женщины, да еще немолодая, то после такого ответа ей самой наверняка понадобилась бы медицинская помощь.

Все-таки ужасно равнодушные люди попадают в медицинских учреждениях! Не все, конечно.

Очевидно, на том конце поняли, что перегнули палку, потому что заговорили мягче:

– Вы не волнуйтесь, сотрясения у нее нет, только сильный ушиб головы и нога сломана. Сейчас ей в первую очередь нужен покой. Она в себя ненадолго пришла, только никаких сведений о себе сообщить не смогла, назвала только имя.

Надежда продиктовала фамилию Софии и год рождения, а также домашний адрес, после чего повесила трубку, спо-

хватившись, что опаздывает в эту чертову галерею.

Но когда она уже красила губы перед самым выходом из дома, Цезарь лег на коврик перед дверью с тем характерным выражением на морде, которое можно было перевести на человеческий язык фразой: «Только через мой труп».

– Цезарь, в чем дело? – строго проговорила Надежда. – Ты что, хочешь идти со мной на выставку? Нет, нет и нет! Это даже не обсуждается! Как это вообще пришло тебе в голову?

Цезарь уставился на нее полным страдания взором и тоненько, жалобно заскулил. Даже человек, в жизни не державший собак, понял бы по этому скулежу, что песик находится в крайней степени отчаяния, что его разлучили с любимой хозяйкой, что у него стресс и оставаться в одиночестве он не в состоянии.

Надежда никогда не держала собак, зато у нее был кот, и она научилась его понимать. А также знала, что животные умеют хитрить и притворяться получше некоторых людей. Во всяком случае, Бейсик это делал виртуозно. Да и этот пудель – тоже, видимо, артист.

– И не надейся взять меня на жалость! – заявила Надежда. – Это художественная галерея, очаг культуры! С собаками туда не пускают! Ни в коем случае!

В это время телефон снова зазвонил, и снова это был Антон.

– Карета подана!

– А в тыкву она не превратится? – проворчала Надежда

Николаевна.

— Во всяком случае, не раньше полуночи. А мы к этому времени уже вернемся, я вам обещаю.

— Ладно, спускаюсь...

Надежда решительно оттащила пуделя от двери и, пока он изображал невыносимое страдание, выскользнула на площадку. Но не успела закрыть дверь на ключ, как из квартиры донесся душераздирающий вой.

Такой вой, должно быть, слышит одинокий путник, пробирающийся зимней ночью по бескрайним просторам Сибири, — и от этого воя у него кровь леденеет в жилах...

Надежда Николаевна испуганно покосилась на соседние двери. И не зря — из-за той двери, где обитал ротвейлер Дима, донесся ответный вой, только в другой, гораздо более низкой тональности. Если голос Цезаря напоминал о ледяной пустыне в бескрайних просторах Сибири, то этот звук можно было связать с ночной африканской саванной.

Конечно, Надежде Николаевне никогда не приходилось бывать в ночной саванне (впрочем, в дневной тоже), но воображение у нее было богатое, и она живо представила жаркую тропическую ночь и крадущегося по саванне голодного льва... вернее, львицу, ведь известно же, что охотятся только львицы, а львы спокойно лежат в траве и ждут, когда им доставят антилопу или буйвола, приготовленного под соусом чили.

А если к этому вою присоединятся остальные собаки до-

ма? Нет, соседи Надежду не поймут!

Она вздохнула и открыла дверь. Цезарь тут же прекратил выть и радостно устремился к своей временной хозяйке, держа в зубах поводок.

– Да ты настоящий шантажист! – неодобрительно проговорила Надежда Николаевна.

Пудель радостно тявкнул, видимо не считая мелкий шантаж чем-то зазорным, и тут Надежде пришла идея, как использовать песика, чтобы отвязаться от Антона.

Она вывела Цезаря из квартиры, заперла дверь, спустилась...

Перед подъездом и правда стояло не обычное такси, а большая, красивая, сверкающая черным лаком машина. Настоящая карета. И из нее приветливо махал Антон.

Надежда подошла к нему и, изобразив на лице глубокое разочарование, проговорила с сожалением:

– Антон, увы, ничего не выйдет. Вот этот товарищ категорически отказался остаться дома один, устроил такой концерт по заявкам, что соседи решили, будто я его убиваю. Так что, как ни жаль, придется отложить посещение выставки до лучших времен.

– Да почему же? Никогда не нужно откладывать на завтра то, что можно увидеть сегодня.

– Но Цезарь... вы же видите, он меня не отпускает! Я уж чего только не пробовала...

Цезарь подтвердил ее слова, прижавшись к ноге Надежды

и преданно заглянув ей в глаза.

– А мы возьмем его с собой, – рассмеялся Антон и сделал собачке козу.

– Что?! Но в музеи не пускают с собаками!

– Это не музей, а художественная галерея...

– Но какая разница?

– Очень большая. И кроме того, я же говорил – у меня там хорошие знакомые. Очень хорошие. И Цезарь даст нам слово, что будет вести себя прилично, ни на шаг не будет от нас отходить... Цезарь, ты ведь нам обещаешь?

Пудель всем своим видом подтвердил эти слова.

– Предатель! – едва слышно прошипела Надежда.

Отвертеться не удалось, и она с тяжелым вздохом села на заднее сиденье машины. Цезарь тут же впрыгнул следом и удобно устроился рядом.

В салоне приятно пахло кожей и еще чем-то. «Может, так пахнут большие деньги?» – подумала Надежда, но тут же отогнала эту мысль. Скорей всего, этот тип просто взял машину напрокат, чтобы пустить пыль в глаза. Но зачем и кому? Ей, Надежде? Глупо.

Галерея «Пространство», находившаяся на Екатерининском канале, занимала анфиладу больших светлых залов в особняке дореволюционной постройки.

У входа посетителей встречала молодая девушка в строгом синем платье, с гладко зачесанными темными волосами.

Увидев Цезаря, она вспыхнула:

– Что вы, с собаками к нам нельзя!

Надежда Николаевна выразительно взглянула на Антона – мол, я же говорила!

Но Антон даже не успел ничего ответить. Из-за спины девицы выскользнула особа лет сорока с лишним, с очень короткой стрижкой и в бесформенном балахоне неопределенного серо-коричневого цвета.

Изредка почитывая в салонах красоты гламурные журналы, Надежда знала, что такие бесформенные балахоны сейчас самый писк моды и стоят больших денег.

– Антон! – воскликнула стриженная особа с наигранным восхищением. – Наконец-то ты до нас добрался! Мы так рады, так рады! Проходи, посмотри, что мы устроили!

– Но они с собакой... – робко пискнула испуганная девица.

– Что? – стриженная бросила на нее уничтожающий взгляд. – Ты хоть знаешь, кто это такой?

– Не-ет... – проблеяла девица, еще больше перепугавшись.

– Тогда о чем ты говоришь? И вообще, где ты видишь собаку?

– Во-от... – девица кивнула на Цезаря, который спрятался за Надежду.

– Это не собака! – отчеканила начальница. – Это спутник Антона Сергеевича! И вообще, не торчи тут, как ворона на

колу, а принеси всем кофе!

Девушка тут же с облегчением испарилась, а стриженная дама подхватила Антона под локоть и повела его по галерее. Надежду она не заметила. Или сделала вид. Надежда Николаевна подхватила песика на руки и поплелась следом, незаметно пожав плечами.

Как ни странно, в галерее были выставлены не инсталляции из сломанных табуреток и карданных валов и не композиции из гвоздей и ржавой проволоки, а вполне традиционные, почти классические статуи. Правда, не римских императоров в тогах и не древнегреческих богов и героев, а офицеров в дореволюционных мундирах и дам в длинных платьях. Надежде даже понравилось, только песик все время вертелся на руках.

Она прислушалась. Издалека доносился голос галерейной дамы, Антон ей изредка отвечал. Ничто не предвещало неприятностей, так что Надежда Николаевна осторожно спустила песика на пол, сделав ему строгое внушение, чтобы вел себя прилично.

Но не успели они перейти в следующий зал, как Цезарь, который до сих пор послушно семенил рядом с Надеждой, вдруг тоненько заверещал и устремился вперед.

– Стой! – закричала Надежда и опрометью кинулась за ним. – Остановись сейчас же, непослушная собака!

Но пудель, до сих пор такой послушный и воспитанный, не обращая на нее внимания, подбежал к одной из статуй,

уселся перед ней и тоненько заскулил.

– Что ты себе позволяешь? Как ты себя ведешь? – отчитывала его Надежда, догнав и схватив за поводок.

Но пудель словно не слышал ее. Он скулил, не сводя глаз со статуи.

Надежда Николаевна тоже посмотрела на нее, чтобы понять, что так возбудило Цезаря.

Статуя изображала девушку в легком летнем платье, которая сидела на камне, с раскрытой книгой в руках.

Надежде показалось, что где-то она уже видела эту девушку, причем совсем недавно... Эта свободная поза, изящный поворот головы, длинная шея, которая так хорошо видна, потому что волосы забраны наверх...

Пудель громко тявкнул и очень выразительно посмотрел на Надежду – мол, напряги извилины!

И она вспомнила. На фотографии в соцсетях София Листьева читала книгу точно в такой же позе. Очень похожи были и лицо, и фигура, и наклон головы. Только статуя сидела на камне, а София – на пеньке, что куда удобнее.

– Да, Цезарь, – проговорила Надежда, – ты совершенно прав, эта статуя очень похожа на твою хозяйку. Или хозяйка на статую. Но это не значит, что можно так себя вести! Мы же договорились, что, если я возьму тебя на выставку, ты будешь меня слушаться!

Пудель смущенно тявкнул и виновато опустил глаза.

А Надежда еще раз взглянула на статую...

Следовало признать, что у Надежды Николаевны Лебедевой была одна не очень хорошая привычка. Если в метро или автобусе кто-нибудь рядом читал книгу, ей было трудно удержаться и не заглянуть в текст. Надежде всегда хотелось узнать, что читает человек, ведь говорят же: скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты.

Вот и сейчас она по привычке, из чистого любопытства, заглянула в книгу, которую держала в руках девушка.

Разумеется, Надежда Николаевна не думала, что на каменных страницах она прочтет отрывок детектива или часть философского трактата. Скорее всего, скульптор вообще оставил страницы пустыми. Однако там все же оказалось написано, точнее, высечено несколько слов: «Caesar non supra grammaticos».

– Цезарь не выше грамматиков, – раздался рядом женский голос.

– Что, простите? – произнесла Надежда, обернувшись.

Перед ней стояла маленькая старушка в аккуратном темном костюмчике с белой кружевной блузкой, похожая на героиню какого-нибудь довоенного фильма. Сходство усугублялось старомодной прической – тщательно завитыми седыми волосами.

– Вы же видели, что там написано, – проговорила старушка. – Так вот, это известное латинское изречение: «Цезарь не выше грамматиков».

– Цезарь? – переспросила Надежда Николаевна и покоси-

лась на пуделя. – Вот еще почему ты заинтересовался этой статуей! А какой смысл вкладывается в это изречение?

– Смысл такой, что никакой статус, никакое высокое положение не избавляет человека от обязанности соблюдать грамматические правила, а в более широком понимании – соблюдать нормы культуры и нравственности. Кстати, очень актуальное и полезное в наше время изречение. Альбина Ивановна.

– Что? – удивилась Надежда.

– Это меня так зовут. Альбина Ивановна Пастухова. Я научный консультант галереи.

– А, ясно... а я – Надежда Николаевна. Я...

– Вы – спутница Антона Сергеевича.

– Ну, не в том смысле...

– Разумеется. Он славный человек и очень интересуется искусством.

– Да, я знаю. – Надежда посмотрела на нее понимающе. – Вчера мы, например, были в театре, и там у него тоже друзья...

Старушка ответила ей твердым взглядом, который Надежда Николаевна прочитала без труда: мол, я тут работаю научным консультантом и на все вопросы по выставке отвечу, а обсуждать других людей не буду, не мое это дело. Очевидно, старушка подумала, что Надежда ревнует Антона к хозяйке галереи. Да больно надо!..

Тем не менее для пользы дела Надежда Николаевна реши-

ла срочно сменить тему:

– Альбина Ивановна, вы извините, что я пришла на выставку с пуделем. Он ни за что не хотел оставаться дома...

– Да, это мне хорошо знакомо. Впрочем, на сегодняшней выставке собаки не могут ничего повредить. Статуи достаточно прочные. Вот в прошлом году у нас была выставка современного искусства... там один из экспонатов представлял собой грудку старой обуви, и к нам на вернисаж пришла одна весьма влиятельная дама со своим чихуахуа. Песик соскочил у нее с рук и утащил одну туфельку. Да еще погрыз ее. Так автор пришел в бешенство – сказал, что его художественный замысел совершенно искажен, что испорченная туфелька была центральным элементом композиции, что она несла основную смысловую нагрузку, и восстановить инсталляцию невозможно...

– Да, трагедия, – усмехнулась Надежда.

– А как вы думаете! Пришлось выплачивать ему очень солидную компенсацию.

– Альбина Ивановна, а можно вас спросить...

– Конечно, я здесь для того и нахожусь.

– Эта статуя... кто был для нее моделью?

– А! Хороший вопрос. Вы знаете, что сегодня у нас выставка скульптура Цезаря Бианки...

– Опять Цезарь! – вполголоса проговорила Надежда, покосившись на пуделя, который приосанился и смотрел горделиво. Она только сейчас узнала имя скульптора, но пред-

почла в этом не признаваться.

– Цезарь Николаевич – замечательный скульптор и незаслуженно забытый. Он творил в конце девятнадцатого – начале двадцатого столетия и умер почти сразу после революции, в тысяча девятьсот восемнадцатом году. Видимо, от свирепствовавшего тогда гриппа, так называемой испанки. Он оставил большое творческое наследие. Десятки скульптур малой и большой формы, несколько памятников известным людям... но большую часть своих скульптур он ваял с одной и той же модели – со своей возлюбленной Софии Амальфи...

– София... – как эхо, повторила Надежда. – И здесь София...

– София, как и сам Цезарь Николаевич, принадлежала к старинной итальянской семье, чьи предки перебрались в Россию в восемнадцатом веке, при Екатерине Второй. Так вот, из всех статуй, которые изваял Цезарь Бианки, самая известная – именно эта. Ее обычно называют «Читающая девушка», и эта статуя так понравилась публике, что Цезарю Николаевичу заказали несколько ее воспроизведений...

– Копий? – уточнила Надежда.

– Ну, это не совсем копии... Вот, допустим, кони Клодта, которых вы можете увидеть в самых разных городах Европы...

– Как? А я думала, что они стоят только на Аничковом мосту...

– Зря думали. Таких же коней по моделям Клодта изготовили и для Неаполя, и для Берлина, да и в Москве есть статуи, изготовленные по его эскизам. Так вот, эти кони – действительно копии, потому что их отливали по одному образцу. А все статуи «Читающая девушка» Цезарь Бианки ваял собственноручно, так что это не копии, а вполне равноценные авторские воспроизведения. Между ними есть разница, но несущественная. Главное же отличие в том, что первую статую Бианки делал с натуры, а остальные – по памяти, потому что София Амальфи в тысяча девятьсот восьмом году умерла от чахотки, как тогда называли туберкулез...

– И где сейчас находятся остальные статуи?

– Одна в особняке барона Толля на Фурштатской улице. Когда-то там располагалось общество друзей русской словесности, но после революции этот особняк сначала занял клуб моряков, а потом, после подавления Кронштадтского восстания, его отдали какой-то общественной организации. Что интересно, сейчас там располагается общество библиофилов, то есть любители словесности будто бы вернулись... Есть еще несколько вариантов этой статуи, но где они находятся, я точно не помню. Могу, конечно, разузнать, если вам интересно...

– Нет, совсем не обязательно. Это я так спросила, из чистого любопытства.

– Да, кстати, о любопытстве. С этой статуей связана одна интересная легенда...

Надежда заинтересованно слушала, и даже Цезарь буквально наострил уши.

– Как я вам уже говорила, Цезарь Бианки принадлежал к старинному и довольно богатому семейству, да и сам был востребованным скульптором, чьи работы охотно покупали богатые люди. Когда произошла революция, он понял, что надеяться на возврат прежней жизни не приходится, и решил покинуть Россию. А перед этим обратил все свое имущество в несколько очень дорогих камней – бриллианты и изумруды. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Как раз когда Цезарь Николаевич уже собрался в дальний путь, он заболел испанкой, и болезнь убила его...

– Печально. Но все же в чем заключается легенда?

– Я как раз подхожу к этому. После смерти Цезаря Бианки его имущество конфисковали, но драгоценные камни, о которых знали со слов его друзей и доверенного слуги, найти не удалось. Слугу долго допрашивали в ЧК, но он клялся, что не знает, куда хозяин дел камни. А потом он тоже заболел и перед смертью в бреду все время говорил о драгоценных камнях и о том, что их тайну знает только читающая девушка...

– То есть София Амальфи?

– В том-то и дело, что София умерла за десять лет до самого скульптора.

– Так, может, Бианки спрятал камни внутри одной из скульптур?

– Конечно, так все и думали. Вот эту статую однажды украли и хотели разбить, но, к счастью, успели повредить только постамент, так что восстановить ее не составило труда.

– Надо же, как интересно, – протянула Надежда, – какая захватывающая история!

– Думаете, я нарочно рассказываю байки, чтобы заинтересовать вас? – прищурилась Альбина Ивановна.

– Нет, я так не думаю, – улыбнулась Надежда Николаевна. – Я думаю, что вы достаточно разбираетесь в людях, чтобы распознать во мне не потенциального покупателя, которому нужно запудрить мозги, а в общем-то случайного человека.

– Вы правы, дорогая, – оттаяла старушка, – просто захотелось поболтать. И песик у вас такой симпатичный...

Тут в зал прибежала давешняя девица. Платье у нее отчего-то было помято, а волосы растрепались.

– Антон Сергеевич вас ищет! – брякнула она довольно невежливо. – Куда, спрашивает, они с собачкой запропали?

– Дарья! – возмутилась Альбина Ивановна. – Как ты раз-го...

Но Надежда Николаевна тихонько тронула ее за руку и показала глазами, что все нормально.

– Ну, ищет так ищет, – миролюбиво сказала она и подхватила Цезаря на руки. – Ведите нас, Ариадна! Впрочем, мы и сами выберемся из этого лабиринта, если ниточку дадите!

– Чего? – Девица захлопала глазами. – Я не Ариадна... я Дарья...

Старушка тихонько хихикнула им вслед.

В большой петербургской квартире было непривычно тихо и пусто. Только в кабинете сидели два человека – сам хозяин квартиры, известный скульптор, и его давний приятель, присяжный поверенный Аскольдов. Друзья сидели в глубоких удобных креслах, на низком столике перед ними стояла бутылка двадцатилетнего коньяка.

За окном то и дело раздавались выстрелы.

– Слава богу, мы с вами еще можем наслаждаться жизнью, можем отгородиться от внешнего мира и беседовать о высоком, пить прекрасный коньяк... и все же я советую вам, Цезарь Николаевич, уезжать из России. Хотя бы на время. Перебирайтесь в Париж, а лучше того – в Ментону... лично я собираюсь в Ментону, я уже снял там виллу на полгода и купил билет на пятницу. Поеду в Гельсингфорс, оттуда – в Стокгольм, а там уж во Францию. Может быть, за полгода здесь все утрясется.

Скульптор нахмурился, опустил глаза.

– Вы все еще колеблетесь? Как бы не было поздно! Поезда пока еще ходят, но долго ли?

– Легко сказать, Вольдемар! У меня здесь все, вся жизнь... здесь – могилы близких мне людей...

– Я же говорю – это не навсегда. Нужно переждать какое-то время, пока не восстановится порядок.

– Вы думаете, все так плохо?

– Куда хуже, чем думают обыватели. У меня самые достоверные сведения. Керенский очень слаб, верных ему войск почти не осталось, армия разваливается. Еще немного – и вся власть в России будет в руках этих, как их, большевиков...

– Большевиков? А я думал, что эсеры влиятельнее!

– Может быть, они и влиятельнее, но большевики куда решительнее, и их лозунги ближе простонародью. Грабь награбленное – это так понятно и близко простому человеку!

– Но мы с вами, Вольдемар, не капиталисты, мы зарабатываем деньги своим трудом!

– Думаете, это кого-то интересует? Они хотят одного – отобрать все и поделить. Они хотят въехать в вашу квартиру, спать в вашей постели, пить вот этот ваш коньяк... ваш слуга, этот Прохор, первым позарится на ваше добро!

– Это вы зря. Прохор – хороший человек и чрезвычайно предан мне...

– Не знаю, не знаю. Может быть, он и исключение из правил, но подавляющее большинство радостно кинется грабить своих хозяев или просто более удачливых соседей!

– Но вы же сами говорите, Вольдемар, что долго они не смогут продержаться. Полгода, от силы год...

– Да, но за это время они успеют разорить страну. А нас с вами, скорее всего, убьют.

– Что же делать? Умные люди успели вывезти все

свои ценности во Францию или Германию, а у меня все здесь, дома...

– Я вам советую, пока не поздно, обратить деньги во что-то, что можно вывезти за границу. Что-то компактное и ценное... предположим, в драгоценные камни...

В глубине квартиры раздался нервный, дребезжащий дверной звонок.

– Вы ждете кого-нибудь? – настороженно спросил Аскольдов.

– Нет, никого...

– У вас надежные запоры?

Дверь кабинета приоткрылась, на пороге появился Прохор.

– Кто там пришел?

– Племянник ваш, Вацлав Казимирович. Пустить?

– Ах, Вацлав... – Цезарь Николаевич поморщился. – Что ему нужно? Впрочем, пусть, я с ним переговорю. Все же родная кровь. Подождите меня, Вольдемар.

Скульптор прошел в малую гостиную, где его уже ждал молодой человек с нездоровым бледным лицом и темными кругами под глазами.

– Дядя, спасите меня! – воскликнул он театральным голосом.

– Ну, что с тобой опять? – поморщился Цезарь Николаевич.

– Я проигрался... ужасно, катастрофически проигрался!

– Господи, нашел время! Сколько раз я тебе

говорил...

– Но, дядя, это вышло как-то само собой. Мне удивительно везло, я выиграл большие деньги и хотел уже остановиться...

– Ну, так и остановился бы!

– Но Серж... мой противник... он так просил реванш... я не смог ему отказать... а потом карта пошла ему, он отыгрался, и еще много выиграл... и поступил как джентльмен – позволил мне продолжить в долг, чтобы отыграться... но я проигрался в пух и прах!

– Как всегда!

– Нет, куда больше, чем прежде! – в голосе племянника прозвучала какая-то извращенная гордость.

– Чего же ты от меня хочешь?

– Дядя, выручите меня!

– С какой стати? Я тебя сто раз предупреждал, просил, уговаривал – все впустую!

– Если вы не поможете – мне остается только застрелиться. Это долг чести, его необходимо заплатить – или свести счета с жизнью! Третьего не дано!

– Господи, сколько можно!

Вацлав внезапно успокоился и заговорил внятным и сдержанным голосом:

– Дядя, я знаю, у вас есть деньги. И я не прошу их у вас просто так. Я принес вам... сами знаете что.

– Неужели? – Цезарь Николаевич удивленно взглянул на племянника. – Это то, о чем я думаю?

– То самое.

Вацлав достал из-за пазухи небольшую деревянную коробку и протянул скульптору. Тот в волнении открыл ее, заглянул внутрь и поднял глаза на племянника:

– Это семейная реликвия. Ты это понимаешь?

– Разумеется! Поэтому я и принес ее вам, а не пошел к какому-нибудь скупщику.

Скульптор криво усмехнулся:

– Конечно, никакой скупщик не дал бы тебе настоящую цену. Да и живым бы ты от него не вышел.

– Ну так что, вы дадите мне денег?

– А знаешь что? Дам! Выйди на минутку.

Едва племянник вышел из комнаты, Цезарь снял со стены картину, под которой оказался сейф. Открыл дверцу, достал несколько толстых банковских пачек, закрыл сейф и повесил картину на место. Затем снова позвал племянника и отдал ему деньги.

Тот театрально рассыпался в благодарностях и тут же убежал.

Цезарь Николаевич вернулся к своему гостю.

– Чего хотел ваш племянник?

– Как обычно – денег.

– Ну и как, вы его прогнали? Давать ему деньги – бессмысленно и даже безнравственно.

– Знаете, Вольдемар, это удивительно. Как раз перед его приходом вы советовали мне купить что-нибудь компактное и ценное. И тут пришел Вацлав и предложил мне купить у него вот это... – с этими словами скульптор протянул другу деревянную коробку.

Тот открыл, взглянул на ее содержимое и ахнул:

– Я слышал о его существовании, но, честно говоря, не верил!

– А я видел его два или три раза, пока был жив отец Вацлава. Но, честно говоря, думал, что Вацлав уже давно проиграл его или просто потерял. И вот, как видите...

– Я только одно вам посоветую – как можно скорее спрячьте это. И как можно надежнее. Вы ведь знаете своего племянника... пройдет несколько дней – и он снова проиграется, ему опять понадобятся деньги, и он подумает, что продешевил. И вообще, собирайтесь уже в Гельсингфорс!

– Да, непременно, как только доделаю кое-какие дела. А насчет первого вашего совета... вы правы, я спрячу это уже сегодня. Я знаю, где это будет в безопасности.

Антон ожидал их в холле один, его знакомая в мешковатом платье отсутствовала, чему Надежда обрадовалась.

– Я уж думал, что вы сбежали, как Золушка, тайком! – обратился он к Надежде Николаевне, но, видно, прочитал в ее глазах, что тон его слишком игрив, и посерьезнел.

Это Надежде понравилось: стало быть, не полный чурбан, поэтому она разгладила нахмуренное было чело и решила не заедаться. Машина дожидалась у подъезда, и у Надежды шевельнулась мысль, что нанять такую роскошную машину с водителем для обычного человека дороговато, тем более на

целый день, и это еще мягко сказано. Но эту мысль тут же вытеснил Цезарь, который прыгнул с рук и побежал было через дорогу, однако на полпути был перехвачен Антоном.

– Что ты себе позволяешь? – выговаривала песику Надежда. – В следующий раз вообще никуда тебя не возьму!

«Куда ты денешься», – ответил глазами пудель. Как видно, он уже полностью освоился у новой хозяйки. А Надежда задумалась, что она станет делать, когда вернется кот. И муж, который песика тоже наверняка не одобрит.

И то сказать, человек приезжает из командировки, где много и тяжело работал, и хочет, чтобы его встречали чистый уютный дом, вкусный обед, заботливая жена и ласковый кот. А вместо этого находит форменный сумасшедший дом.

А кот, узнав, что в квартире, которую он считает своей, поселилась собака, устроит Надежде Варфоломеевскую ночь, пуделю – яacobинский террор, а в квартире – Мамаево побоище. Надежда была в этом уверена на сто процентов.

– Приехали! – сказал Антон.

Надежда Николаевна осознала, что машина остановилась, и выглянула в окно, но не увидела собственного подъезда.

– А это мы... – От неожиданности голос ее подвел, и получилось неуверенное блеяние.

– А это мы еще в одно место приехали, у меня тут...

– Приятель работает?

– А как вы догадались? – Антон выглядел очень доволь-

ным.

Надежда же рассердилась, причем в первую очередь на себя, поскольку нужно было не расслабляться и не думать о постороннем, а следить за дорогой. Прозевала в общем, а этот тип завез неизвестно куда. Место было незнакомое.

– Ничего страшного, перекусим тут, и все. Мы быстро, – успокоил ее Антон.

Предатель Цезарь тут же выскочил из машины и бодро поскакал к двери.

Дверь, надо сказать, была самая обычная, железная, и кнопка звонка имелась. А вот вывески не наблюдалось. И стоянки машин тоже не было, так что, высадив их, водитель тут же уехал.

Правда, перед этим Надежда успела кое-что заметить. А именно: когда водитель вышел, чтобы открыть перед ней дверцу, она увидела на сиденье рядом с ним наклейку, похожую на те, которые можно встретить на стекле машины. Обычно на ней размещают логотип фирмы, которая предоставляет машину напрокат. Надежда успела разглядеть белый круг на золотистом фоне, и буквы Л, Ю, Т и, кажется, еще Е. Но это неточно.

Сунуть голову в салон, чтобы разглядеть надпись получше, Надежда Николаевна посчитала нецелесообразным. Не то чтобы она чего-то опасалась, просто так, на всякий случай.

Железная дверь открылась, и на пороге появился рослый

парень в белой рубашке и темных брюках.

– Антон Сергеевич? Здравствуйте! – сказал он, растянув губы в улыбке. – Давно не виделись!

Надежда бросила на парня незаметный взгляд и мигом разглядела какую-то неправильность в его одежде. Вот он едва заметно повернул крепкую шею, как будто ему что-то давит. А что может давить-то? Последняя пуговица вообще не застегнута. Все ясно: привык носить галстук, по привычке шейей крутит. И рубашки такие явно под костюм надевают, уж в этом-то Надежда разбиралась. Ее муж на работу только в костюме ходил, привык еще с прежних времен. И рубашек этих у него было великое множество. Только на одну неделю полагалось восемь штук – чистых и отглаженных: по одной рубашке на каждый день недели и еще одна запасная, для непредвиденных обстоятельств. Надежда хоть и не любила гладить, но за этим следила строго.

У этого парня рубашка выглядела, конечно, свежей, но одет он был не по форме. А все потому, что на самом деле работал охранником, но зачем-то представился едва ли не приятелем Антона. И что бы это значило?

– Здравствуй, Юра! – сказал Антон. – Вот, заскочили к вам на огонек. Не прогоните?

– Как можно, проходите!

Надежда подхватила пуделя и вошла внутрь, ненароком пропустив Антона вперед. Ей хотелось осмотреться, поскольку какие-то вещи ее заинтересовали.

За дверью был самый обычный коридор – чистый, но простой, на стенах ничего не висело: ни гравюр, ни картин, и освещение самое скромное. Однако Надежда успела заметить небольшую полуоткрытую дверь, а за ней – крошечное полутемное помещение, где поместились только стул и стол. На столе стоял светящийся монитор, а на стул был брошен пиджак. Черный, от костюма.

Надежда Николаевна удовлетворенно хмыкнула: стало быть, ее предположение было правильным. Еще она заметила бейдж, который валялся на столе, и даже разглядела на нем имя – Иван. Фамилии видно не было, но имя уж точно не Юра.

Тут Антон оглянулся, и Надежда очень вовремя сделала вид, что поправляет Цезарю ошейник.

Коридор закончился, они поднялись на несколько ступенек и оказались в небольшом помещении, где их встречал лысый толстяк с темными глазами.

– Антон! – заулыбался он радостно и раскинул руки для объятий. – Как я рад!

Мужчины обнялись, причем сделали это весьма сдержанно, затем лысый повернулся к Надежде.

– Рафаил! – представился он и протянул руку, которую Цезарь тут же попытался цапнуть, но не успел, потому что лысый руку мгновенно отдернул и, щелкнув песика по носу, сказал: – Нельзя кусать руку, которая дает!

– Так тебе и надо, – прошептала Надежда, пока мужчины

говорили о своем, – нашел время хулиганить.

Цезарь промолчал.

– Мы ненадолго, – сказал Антон.

– Понял! – оживился Рафаил и шагнул куда-то в сторону.

В небольшой уютной комнате был сервирован стол и пахло приятно. Тут же появилась симпатичная девушка с милыми ямочками на щеках. Увидев Цезаря, она пришла в восхищение:

– Какой хорошенький! – и спросив, что принести, тут же убежала.

– Что это за место? – поинтересовалась Надежда Николаевна.

Очевидно, такого вопроса от нее ждали. Антон охотно объяснил, что это элитный клуб, а у него тут работает приятель, поэтому они и вошли с черного хода. В клубе есть и большой зал со сценой и столиками, и танцпол, а также несколько кабинетов, где люди могут не только поесть, но и приватно побеседовать. Один из таких кабинетов приятель и предоставил Антону.

«Ну-ну, – подумала Надежда Николаевна, тщательно сохраняя доверчивое, простоватое выражение лица. – Что это за приятель таинственный такой?..»

Точно не Рафаил. Ей ли не знать, как близкие приятели встречаются после долгой разлуки. Нет, эти двое друг другу посторонние, просто притворяются. А зачем?

Все дело в Антоне. Кто же он такой? Павел сказал: род-

ственник из провинции, и дал понять, что ничего особенного из себя не представляет, а Надежда точнее и не стала выяснять. Ей ни к чему было. Ее тогда занимала только одна мысль – как бы от этого Антона отвязаться. А теперь он ее заинтересовал. Брат Павла выдавал себя не за того, кем был на самом деле, и зачем-то вцепился в Надежду как клещ. Приударять за ней он явно не собирался. Тут было что-то другое.

Еду подали самую обычную. Надежда Николаевна зря опасалась, что принесут какого-нибудь омара, а она понятия не имела, как его есть. Для Цезаря специально приготовили две куриные котлетки на пару, правда, он был разочарован и все поглядывал на тарелку Антона, где красовался огромный кровоточащий бифштекс.

– Такой маленький песик – и такой аппетит, – усмехнулся Антон, отрезая песику кусок.

– Может, ему нельзя? – всполошилась Надежда, но Цезарь дал понять, что можно.

Беседу вели на отвлеченные темы. Надежда рассказывала о хулиганских поступках песика, а пока молола языком, напряженно размышляла, как бы ей определить, кто же этот Антон и за каким бесом, как говорила в сердцах ее бабушка, она, Надежда, ему понадобилась. Прямо спросить Надежда Николаевна не осмелилась, решив оставить этот вариант на самый крайний случай.

Человек вроде с ней вежлив, предупредителен, к песику опять же хорошо относится, так что хамить ему было как-

то не с руки.

Конечно, можно было позвонить Павлу и расспросить, что он знает про своего родственника, но такой интерес вызовет у него подозрение, и он обязательно проболтается своему лучшему другу. Надежда решила, что с Павлом она потом разберется, и если что не так, то мало ему не покажется. А пока...

Было у нее подозрение, что Антон на самом деле вовсе не бедный родственник, а очень даже богатый. Но как это определить? По внешнему виду не получится. В ресторане он был в обычном костюме, а сегодня вообще в джинсах и джемпере. Надежда Николаевна не настолько разбиралась в модных брендах, чтобы навскидку определить цену вещи. А если посмотреть невооруженным глазом, то джемпер, например, самый обычный – вон даже нитка торчит, да и совсем недавно она видела похожий в самом обычном магазине.

Допустим, Антон решил прикинуться обычным человеком, размышляла Надежда Николаевна. Для этого и джинсы простые надел, и джемпер дешевенький. Но все знают, что богатого человека выдают часы и ботинки. Надежда с этим постулатом была не очень согласна, но об этом пишут во всех журналах.

Итак, часы. Однако тут возникла проблема. Во-первых, часов у Антона видно не было – рукава прикрывали. А во-вторых, если Надежда их и увидит, то как определит стоимость? Теперь такие часы выпускают, что на вид – полная

дешевка, а на самом деле супердорогие; таких в год всего по пять штук делают, и богатые люди за ними стоят в очереди по несколько лет. Значит, с часами номер не пройдет.

Оставалась обувь. Если человек всегда ходит в дорогой комфортной обуви, то в дешевых ботинках ни за что не станет натирать мозоли. Надежда припомнила, что ботинки у Антона были, конечно, хорошие, но самые простые, без прибамбасов, и придумала, как определить их цену. Но для этого нужно было ботинки сфотографировать.

А как это сделать? Уронить вилку, чтобы под стол залезть? Так девчонка тут же прибежит и поднимет.

Минутку подумав, Надежда Николаевна выработала план. Порывшись в сумке, якобы для того, чтобы найти пудреницу, она нашла телефон, настроила камеру и спрятала мобильник в рукав, осторожно придерживая. Затем вздрогнула:

– Ой, Цезарь, что ты хулиганишь? Ты мне туфли поцарапал! Как не стыдно! – И тут же полезла под стол, где быстро щелкнула ботинок Антона.

Цезарь, который спокойно отдыхал рядом, уставился на нее в полном удивлении, но Надежда ему подмигнула, и он (надо же!) все понял и промолчал.

– Что случилось? – Антон отогнул скатерть и заглянул под стол.

– Ужасная собака! – пожаловалась Надежда Николаевна, успев спрятать телефон. – Туфли новые совсем, жалко.

Притворившись, что расстроена, она заявила, что ей пора. Антон ее не удерживал. Денег с них, что характерно, не взяли.

«По дружбе, значит, накормили, – мысленно усмехнулась Надежда. – Ну-ну...»

Когда они вышли на улицу, перед входом их ожидала прежняя машина.

– Я смотрю, ваша карета пока не превратилась в тыкву, – сказала Надежда Николаевна самым невинным голосом.

– Но ведь и полночь еще не пробило! Куда вас подвезти? Домой?

– Спасибо, не нужно. Мне здесь совсем недалеко, а Цезарю нужно погулять, он уже и так извелся.

Цезарь и правда поскуливал и упорно тянул Надежду в сторону тенистой аллеи. Неподалеку располагался сквер, от которого до дома Надежды было всего несколько остановок на маршрутке.

– Он весь день вел себя хорошо, – похвалила Надежда Николаевна пуделя. – Надо его поощрить! И вообще, собаке нужен свежий воздух!

Сказала и тут же расстроилась: а вдруг этот настырный Антон увяжется за ними? Но, видно, Антон посчитал, что на сегодня их уговор выполнен.

– Ну ладно, настаивать не буду. Но не забудьте – мы договаривались на три раза, так что за мной еще один вечер.

«Так уж и вечер, – хмыкнула Надежда, – хватит с тебя и

дневного времени».

Антон уехал, а Надежда с Цезарем направились в сторону сквера.

Пудель сразу повеселел и бодро устремился вперед, натянув поводок. Надежда едва за ним поспевала, радуясь, что он такой маленький. Если бы в такой же ситуации ей пришлось выгуливать большого пса вроде ротвейлера Димы, она вряд ли бы его удержала...

В эту минуту, как живая иллюстрация ее мысли, на аллее показалась миниатюрная, грациозная девушка, ведущая огромного питбуля.

Надежда на всякий случай подхватила Цезаря на руки, но тот посмотрел на нее неодобрительно: «Зачем это? Что я, сам не разберусь?»

– Ну, ты, конечно, очень смелый, но нужно соизмерять свои возможности с ситуацией!

Хозяйка питбуля тоже на всякий случай подтянула поводок, и они благополучно разошлись, приветливо кивнув друг другу. К чести питбуля надо сказать, что он не проявил к Цезарю никакого интереса. Кажется, он его вообще не заметил.

Они прошли еще метров пятьдесят, как впереди на аллее показались два подростка на велосипедах.

– Цезарь, осторожно! – окликнула Надежда пуделя. – Они же никогда не смотрят перед собой... собьют собаку и хоть бы что...

Тут Надежда Николаевна заметила, что велосипедисты

были в масках – в знаменитых на весь мир хакерских масках Анонимуса.

Велосипедисты поравнялись с Цезарем, и тут случилось нечто совершенно неожиданное: один из них прямо на ходу наклонился и перерезал поводок, а второй тут же подхватил пуделя и попытался засунуть его под свою куртку.

– Стой, паршивец! – закричала Надежда Николаевна. – Отдай собаку! Отдай собаку, тебе говорят!

Велосипедисты и не подумали отпустить Цезаря, только прибавили скорость, а один из них издевательски помахал Надежде рукой. Но сам пудель не растерялся и укусил своего похитителя за руку. Тот вскрикнул и потерял управление, велосипед завиял...

В это время по аллее пронеслась какая-то стремительная тень, и огромный пес – тот самый питбуль, с которым Надежда только что разминулась, – налетел на первого велосипедиста. Велосипедист свалился, второй врезался в него и тоже упал. Совершенно невредимый Цезарь, оказавшись на свободе, стремглав кинулся к Надежде и одним махом вскочил к ней на руки. Он тяжело дышал и испуганно скулил.

Подростки вскочили и бросились наутек, причем один из них сильно хромал. Велосипеды остались на поле боя. Питбуль бросился было вдогонку, но тут подбежала его хозяйка и крикнула:

– Клара, стой! Хватит с них!

Питбуль остановился с явным разочарованием и позволил

хозяйке пристегнуть поводок.

– Ваша собака в порядке? – осведомилась девушка у Надежды Николаевны.

– В полном! Только очень напуган.

– У вас мальчик?

– Ну да. А у вас девочка? Клара – это полное имя?

– Нет, полное – Кларисса. Но очень уж длинно, пока выговоришь, она до канадской границы добежит...

– Спасибо, ваша девочка нам очень помогла!

– Да ваш мальчик и сам за себя постоял!

Цезарь приосанился и уже вовсю строил питбулихе глазки, но та не обращала на это никакого внимания.

– Надо же, какие мерзавцы! Попытались собаку украсть! Интересно, такое часто случается? – возмутилась Надежда.

– Первый раз вижу. Даже не представляю, зачем им это понадобилось? Краденую собаку не продашь... разве что из чистого хулиганства...

Надежда попрощалась с хозяйкой отважной Клариссы и направилась к выходу из сквера – после такого инцидента не только ей, но даже Цезарю расхотелось гулять.

Поводок был испорчен, но напуганный Цезарь послушно семенил рядом с Надеждой. Пудель был хоть и маленький, но таскать его на руках было как-то несподручно. К тому же сумка еще мешала.

Однако, когда они дошли до конца аллеи, нахальный пудель вдруг припустил в сторону и юркнул в кусты.

— Цезарь, негодник, ты куда? — вскрикнула Надежда и бросилась за ним. — Вернись сейчас же! Тебе что, одного случая мало?

К счастью, пудель убежал недалеко. Затаившись в кустах, он настороженно выглядывал через ограду. Надежда наклонилась к нему, чтобы взять на руки и как следует отчитать, но Цезарь тихонько зарычал, как будто предупреждал ее, чтобы не шумела и не делала резких движений.

Надежда Николаевна тут же замерла на месте, потому что на улице, по другую сторону ограды, увидела трех разговаривающих людей.

Двое из них были те самые подростки, которые чуть не украли Цезаря, только теперь они были без масок. Третьей оказалась высоченная вульгарная брюнетка лет сорока в мини-юбке и ботфортах выше колен. Та самая брюнетка, которая в роковой вечер заявила в квартиру Надежды за пуделем.

— Мы из-за тебя велики потеряли! — протянул один из подростков. — Ты нам на новые денег должна!

— А больше вы ничего не хотите? — огрызнулась брюнетка.

— Много чего хотим! Но для начала — денег!

— Вы вообще ничего толком сделать не можете! — шипела брюнетка. — Даже такое простое дело вам нельзя поручить! С карликовым пуделем не справились!

— А у него знаешь какие зубы острые? — заныл второй мальчишка. — Он мне руку прокусил! Небось придется швы

накладывать!

– Подумаешь – руку! – отмахнулась брюнетка, но при этом покосилась на собственный палец, укушенный тем же Цезарем.

– А если у него бешенство? – продолжал ныть подросток. – А потом прибежал вообще такой зверь... чуть нас не загрыз!

– В общем, так, тетя! – перебил его более решительный приятель. – Плати нам сейчас половину, или мы...

– Или вы – что? – процедила брюнетка и достала из кармана тюбик губной помады.

– Или мы тебя...

– Ишь, какие смелые! – Брюнетка взмахнула тюбиком... и он вдруг превратился в стальную дубинку. Дубинка со свистом рассекла воздух возле самой головы подростка, слегка задев его по уху.

Он вскрикнул и отскочил в сторону:

– Больно же!

– Это еще не больно! Вот если ты еще что-нибудь вякнешь против меня, тогда узнаешь, что такое больно!

– Да чего тебе надо, тетя?

– Или если еще раз назовешь тетей! – Брюнетка снова взмахнула дубинкой.

– Понял... не буду...

– А что мне надо, ты знаешь. Украдите для меня эту собаку – и получите деньги. Много денег.

– Ты слышал? – прошептала Надежда, покосившись на Цезаря. Тот только испуганно поежился.

– Ла... ла... ладно... – проблеял мальчишка.

– И быстро! – с этими словами брюнетка развернулась, перешла улицу и села в припаркованную машину.

Машина тут же тронулась, а когда проезжала под ярким фонарем, Надежда сумела разглядеть водителя.

Им оказался тот самый мрачный, наголо бритый мужик, который приходил к Надежде с брюнеткой.

– Вот это да... – пробормотала она тихонько. – Цезарь, очевидно, ты им очень нужен. Но вот зачем?

Песик посмотрел грустно.

– Не бойся, дорогой, я тебя в обиду не дам!

Тут до Надежды дошло, что малолетние паршивцы сейчас вернутся в сквер за брошенными велосипедами, а встречаться с ними было опасно, поскольку питбулиха Клара уже ушла домой. Поэтому Надежда Николаевна, подхватив пуделя на руки, пошла вдоль ограды и вскоре нашла там дыру, чему нисколько не удивилась. Наш народ всегда норовит срезать путь, а тут как раз автобусная остановка рядом.

Они с Цезарем пролезли в дыру и вскоре уже ехали в маршрутке домой.

Надежда Николаевна напряженно размышляла: по всему выходило, что, подобрав потерявшегося песика, она снова влипла в какую-то криминальную историю. Конечно, этих двоих можно было посчитать психами, сбежавшими из дур-

дома, но как быть с хозяйкой собаки, которую сбила машина? И, судя по тому, что при ней не нашли никаких документов, нападение было неслучайным, а машина наверняка с места преступления скрылась.

Вспомнив свой первый разговор с хозяйкой Цезаря, Надежда поняла, что женщина тогда была очень напугана. А значит, нужно идти в больницу и поговорить с ней. Но это завтра утром, а сегодня у Надежды Николаевны было еще одно дело.

Заскочив в зоомагазин и купив новый поводок, она вернулась домой. В квартире был легкий беспорядок, и Надежда было усовестилась, но посчитала, что до приезда мужа у нее есть еще сутки и она успеет прибраться.

Первым делом Надежда Николаевна уселась за компьютер и включила поиск слова, начинающегося с букв Л, Ю, Т и предположительно Е, – именно эти буквы она разглядела на наклейке в шикарной машине Антона.

Ей тут же выдали кучу имен и названий, начиная с сериала «Лютер» и заканчивая священником и богословом Мартином Лютером, который в начале шестнадцатого столетия основал протестантское вероучение, названное впоследствии его именем. Был еще Мартин Лютер Кинг – чернокожий пастор и проповедник, невинно убиенный в двадцатом веке по политическим мотивам, про которого она кое-что помнила еще со школьных времен.

Надежда только вздохнула: вряд ли фирма по прокату до-

рогих автомобилей будет называться именем Лютер. Значит, следовало продолжать поиски. Следующим по популярности было слово «Лютеция»: изначально небольшой город в Римской империи на месте нынешнего Парижа, а сейчас – концертный зал в Европе, салон красоты в Москве (эти салоны как только не называют, лишь бы слово было красивое) и... частный отель в городе Санкт-Петербурге.

Надежда мигом нашла его сайт. Судя по скромной, ненавязчивой рекламе и фотографиям, отель был очень и очень дорогим. Таким заведениям реклама не нужна, клиенты постоянные, все люди солидные и со средствами, больше всего ценящие приватность и личный покой.

Видимо, машина была предоставлена этим отелем, а стало быть, Антон там и проживает. Ну что ж, это было уже кое-что, но Надежда Николаевна на всякий случай решила провести еще одну проверку.

Дождавшись девяти часов, она заняла пост у дверного глазка. Как обычно, минут через пять открылась дверь соседей и вышел ротвейлер Дима, чинно неся в зубах поводок. За ним показался хозяин, на ходу застегивающий куртку. Следом вышла его жена, давая обоим последние наставления: с земли ничего не поднимать и в пасть не тащить, а также зайти в магазин за молоком.

Когда оба Димы вышли на площадку, Надежда тут же высунулась из-за двери:

– Инка, можно тебя на минутку?

– Давай только быстро, а то у меня оладьи на сковородке.

– Смотри! – Надежда нашла в мобильнике фото ботинка. – Что можешь сказать про эту обувь? Ты ведь раньше в обувном бутике работала?

– Работала, когда училась, – подтвердила Инна, рассматривая снимок. – Выучилась на свою голову, дослужилась до замдиректора фирмы, а зарплата в два раза меньше, чем в бутике. Спрашивается, для чего пять лет мучилась, молодые годы тратила?

– Да ладно, к тому времени тебя все равно из того бутика турнули бы, возраст не тот.

– Точно, тем более он давно закрылся. Ну, что я могу сказать?

– Что, ничего особенного? – расстроилась Надежда. – Обычные ботинки?

– Напротив. Знаешь, как считается: самая дорогая обувь выглядит как самая простая. Так вот эти ботиночки итальянские, ручной работы, сделаны в частной мастерской в предместье Вероны. Эта мастерская существует с середины семнадцатого века и переходит от отца к сыну, от деда к внуку.

– Ого!

– Обувь делают заказчику по его индивидуальной колодке, которая у них хранится. Гарантию, разумеется, дают. Пожизненную. И если с ботинками что-то случится, то посылать их надо по почте в эту самую мастерскую. Они сами все чинят и обратно присылают. Стоит все это удовольствие за-

предельно.

– Представляю...

– Не представляешь даже приблизительно! – предупредила Инна. – А тебе вообще зачем?

Надежда чуть замешкалась, но в это время соседка потянула носом:

– Ой, оладьи горят! – и исчезла.

– Ну что ж, – сказала Надежда Цезарю, тщательно запирая дверь, – примерно так я и думала. С Антоном разберемся позднее, а завтра я поеду в больницу навестить твою хозяйку.

Надежда Николаевна хотела выйти пораньше, но много времени ушло на уговоры Цезаря остаться дома. Поначалу он ни в какую не соглашался, однако Надежда убедила пуделя, что в больницу его точно не пустят и они ничего не узнают. Только время зря потеряют. В конце концов песик согласился сидеть тихо и не выть, как собака Баскервилей на болоте, а Надежда пообещала не задерживаться.

Для похода в больницу она вырядилась в строгий брючный костюм и накрасила губы помадой, которая ей совершенно не шла, придавая лицу какое-то сварливо-равнодушное, занудное выражение. Смотреть противно, но для дела нужно.

Войдя в больничный холл, Надежда подошла к окошку справочной и строгим, уверенным тоном произнесла:

– Мне нужно узнать о состоянии больной Листьевой.

– Листьевой? – переспросила круглолицая женщина.

– Да, именно так.

Дежурная сверилась с записью в компьютере и с непонятным удовлетворением проговорила:

– Нет такой.

– Как – нет? – Надежда даже растерялась. – Проверьте еще раз. София Павловна Листьева.

– Говорю вам – нет такой!

– Ну, может, она записана не как София, а как Софья. Бывает такая путаница...

– У нас никакой путаницы не бывает! Если я сказала нет – значит нет! И не задерживайте людей, вон за вами уже очередь скопилась!

Надежда обернулась. За ней стояла только печальная старушка с красными глазами.

– Но позвольте, ее к вам доставили без сознания, в тяжелом состоянии, после дорожного происшествия... сначала не знали имени, потом выяснили, что она Листьева... проверьте, пожалуйста, не могла же она уйти в таком состоянии!

– Не могла, – подтвердила дежурная.

– Тогда куда же она девалась?

– Ох, трудно с вами! – вздохнула дежурная и тут же опомнилась: – А вы ей кто будете? Мы справки даем только родственникам!

– А я тетя, – не моргнув глазом, соврала Надежда Нико-

лаевна. – Родная Софочкина тетя, матери ее родная сестра. У нее из близких больше никого нет...

Судя по всему, так оно и было, потому что жила София Листьева одна, не считая, конечно, Цезаря. Фотографии в социальных сетях тоже об этом говорили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.